

Вечерняя Москва, 1964, 4 июля

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

НЕСТЕРПИМАЯ жара. Глубокие сыпучие пески, опаленные солнцем. Пески и пески... В них грузнешь, как в толком болоте. По ним невероятно тяжело идти — скользишь, порой падаешь, и трудно подняться. Они хрустят под ногами. И на зубах.

Беспощадно палит солнце; оно ослепляет, жжет, сушит грудь, спирает дыхание...

В такой обстановке под Днепропетровском в июле прошлого года снимали многие эпизоды «Оптимистической трагедии».

Снимали сцену расстрела Вожака. Вот идет он, грузный, поникший, растерявший весь апломб, всю свою неумную фанаберию. Он движется тяжело, едва передвигая слоновьи ноги, отступаясь. За ним неотступно следует Алексей; он напряженно молчит, и ничего хорошего не сулит его грозное молчание. Это сама смерть глядит на Вожака глазами Алексея — его бывшего товарища и соратника.

Медленно тянутся последние секунды. Уже произнес Вожак фразу, прозвучавшую в его устах кощунственно: «Да здравствует революция...». Эти слова уже не могут служить Вожаку охранной грамотой среди моряков — бывших однополчан. Он уже по сути закончил свою черную жизнь. Он в сущности мертв еще до выстрела — прямо в звериное сердце. Все кощено. Крах человеконенавистнической идеи, источившей сердце, — там не осталось и проблеска совести, гуманности. Своей одичалой анархистской идее он был верен до конца: ей приносил в жертву все живое. И вот — справедливое возмездие...

Борис Андреев играет эту сцену так, как никто не играл до него, — впрочем, как и всю роль.

Он играет трагедийно. Ни растерянности, ни ужаса нет в его глазах. Никакой суетливости. Нет жалких жестов и судорожных движений. Только оцепенение. И зажатая в тиски неожиданной окаменелости страшная сила бицепсов крупного хищного зверя. Нет сил... Остались опустошенность, депрессия.

В сущности Вожак совсем не типичен для основной актерской темы Бориса Андреева. Ведь, за очень редким исключением, Андреев всегда воплощал только положительные характеры наших современников. Поэтому Вожак, этот властолюбец, отличающийся беспредельным анархизмом и утверждением культа грубой силы, — принципиально новый образ для артиста.

Многим миллионам советских зрителей В. Андреев знаком и близок в ином облике. Он прочно вошел в их сознание как Харитон Балун в «Большой жизни», Назар Дума в «Трактористах», Саша Свинцов в «Двух бойцах», Яков Бурмак в «Сказании о земле сибирской».

Двадцать лет назад, увидев Б. Андреева в роли Саши Свинцова в «Двух бойцах» — в сущности в одной из первых ролей киноактера, Вс Пудовкин писал в «Правде»

Яков СМОЛЯК

ТАЛАНТ ШИРОКИЙ, РУССКИЙ

«Б. Андреев, играющий кузнеца, по совести говоря, просто поразил меня каким-то сверхдальним проникновением в психологию образа».

Сверхдальнее проникновение в психологию образа... В этих словах, пожалуй, наиболее точно сконцентрировано то основное, что характерно для Бориса Андреева, актера на редкость органичного, естественного, максимально достоверного. И масштабного. Ибо все, что делает Андреев, на экране всегда

очень крупно и полнокровно. Все в нем предельно русское. И широкое лицо с характерными крупными чертами, полное невыразимого обаяния. И богатырская фигура — этакий врожденный Илья Муромец; не случайно он впоследствии воплотил на экране этот образ. И голос — неповторимо андреевский; густой бас с мягкой хрипотцой, многокрасочный, богатый интонациями различных оттенков.

Сказать об Андрееве, что

он просто один из самых любимых артистов кино, значит не все сказать о мастере, чье дарование великолепно: оно, как бесценный камень-самородок, поражающий своим многоцветьем, гранями, излучающими неожиданное сияние.

За последнее десятилетие Андреев предстал перед нашими кинозрителями совсем иным, новым. Оставаясь верным своей теме — воплощению характеров наших современников, — он значительно

расширил круг ролей, легко преодолев свой возрастной рубеж. Сейчас его герои уже не молодые люди, а пожилые, умудренные жизненным опытом и еще более многогранные, чем прежде.

Мне думается, что боцман Россосаха в фильме «Путь к причалу» — одна из двух последних ролей Б. Андреева — не лучшая в творчестве актера. Сравним Россосаху, скажем, с такими выдающимися творениями последних лет, как кадровый рабочий Илья Журбин из фильма «Большая семья» или председатель колхоза Зарудный из дольженковской «Поэмы о море».

Россосаха — человек трудной судьбы, весь погруженный в себя — сыгран по-андреевски психологически углубленно, масштабно, еще раз напомнив всем о далеко не полностью использованных возможностях большого артиста, которому в равной степени подвластны и комедийные краски, и драматические, и трагедийные.

Но Россосаха — не то, что Вожак. Россосаха — не открытие, это в какой-то мере повторение уже пройденного. А андреевский Вожак — очень крупный взлет прославленного актера. Новый рубеж. Новая высота. Новая страница биографии. И совершенно новая тема — и для Андреева, и для его зрителей. Вожак — свидетельство абсолютной зрелости крупного мастера, сумевшего с большой силой осветить изнутри сложный, трагедийный характер человека, не понявшего революции и изменившего ее гуманным принципам. Это и своеобразная заявка на ряд образов в будущем — таких же новых, неожиданных и мастерски отточенных.

М. Горький во многих своих письмах называл Федора Шаляпина символом русской мощи и таланта. Когда думаешь о некоторых наших современных артистах андреевского масштаба, невольно приходят на память слова Горького: символически русский.

Да, Борис Андреев предельно русский, масштабный, подлинно народный артист, и это очень радостно отметить всем его многочисленным почитателям.

Да, Борис Андреев предельно русский, масштабный, подлинно народный артист, и это очень радостно отметить всем его многочисленным почитателям.

99